

Конан
и Тайна
Песков

КОНАН
И ТАЙНА
ПЕСКОВ

Annotation

Конан останавливается в придорожной таверне, но там не место для отдыха. В таверне происходят странные вещи, хозяйка подозрительно себя ведёт, и все время что-то бормочет. А в колодце обитает Змей, слуга Сета оберегающий магический предмет, который когда-то уронил в колодец проезжающий мимо жрец Сета.

•

Дуглас Брайан

Мертвое Сокровище

С Кезанкийских гор спустился всадник. Был он молод и силен; меч за спиной, потертая одежда и в кошельке пара медных монет — ничего более при нем не имелось. Молодой

человек находился в том возрасте, когда ему довольно целого мира. Это потом настанет такое время, когда всей Хайбории будет недостаточно и потребуется собственный дом, пусть небольшой, где всегда горит очаг и ждет женщина — не случайная, а своя собственная, та, что будет любить до смерти.

А сейчас всадник даже не задумывался о подобной возможности. Он был совершенно свободен. А что такое свобода? Возможность ехать куда угодно и силы, чтобы дать отпор любому, кто встанет на пути.

Горы громоздились у него за спиной. Небо постепенно темнело, затягивалось тучами, а впереди уже видна была равнина — там лежала Британия с ее городами, где жили цивилизованные люди. Молодой бродяга не слишком жаловал цивилизованных людей. По его мнению, они чересчур заносились. Конечно, многие из них умели читать и писать; зато во всем остальном сильно уступали тому, кого заносчиво именовали варварам.

Конан — так звали всадника — намеревался миновать Британию и

перебраться в Гиперборою, где в Халоге, по слухам, набирают наемников для очередной пограничной войны с Асгардом. Он рассчитывал неплохо заработать, а заодно и получить удовольствие.

Упали первые капли дождя. Равнодушный к физическим лишениям, Конан поначалу не обратил внимания на начинающийся дождь. Но сырость не понравилась его лошади. Копыта начали скользить по камням, и лошадка жалобно заржала.

— Этого только не хватало, — пробормотал Конан. — Если она сломает ногу, придется тащиться пешком.

Дождь усиливался. Конан уже предполагал остановиться на ранний ночлег под прикрытием какой-нибудь нависшей скалы, как вдруг впереди заметил мелькание огонька. Казалось невероятным, чтобы поблизости находилось какое-нибудь жилище, и тем не менее огонек горел ровно, ясно, так что становилось очевидным: его разожгли не под открытым небом, где он, предоставленный во власть ветра, трепетал бы и вздрогивал, словно испуганный человек; нет, он пылает в очаге или лампе, поставленной на окно, и стихия не может коснуться его.

— Дом, — фыркнул Конан. — Веселые, должно быть, обитают там люди. Поселиться на отшибе, загромоздить себе окна горами — это не всякий такое придумает.

Он спешился и повел лошадь за собой, выбирая дорогу осторожно. Торопиться некуда. Время от времени он взглядал вперед, туда, где горел огонек. Свет становился все ближе. Нет, это не было видением. Там, впереди, действительно жили какие-то люди. Что ж, тем лучше.

Конан остановился, принюхался — совсем, как животное, тщательно оберегающее свою шкуру. Кое-что показалось ему странным. Обычно человеческое жилье он чуял издалека. Запахи — дыма, готовящейся пищи, домашнего скота — доносились до его по-звериному чутких ноздрей задолго до того, как показывалась крыша здания. А здесь никаких запахов не было. Возможно, ветер дует в другую сторону, подумал Конан, упрямо шагая в сторону дома.

Это была большая, приземистая каменная усадьба, расположенная у самых отрогов Кезанкийских гор. Одним богам ведомо, какие причины заставили обитателей усадьбы прийти на эту негостеприимную землю и поставить здесь дом. Но строили, судя по тому, как выглядели каменные стены, сложенные из крупного серого бульжника, на века.

Четырехскатная крыша, крытая черепицей, также выглядела надежной. Ни ветры, ни снега не были ей страшны. Несколько окон, затянутых бычьим пузырем, подслеповато глядели — одни на горы, другие на

равнину. В одном окне действительно горела лампа — спокойным, уверенным светом.

И тем не менее — вот странное дело! — от этого жилья не исходило ощущение уюта. Будь Конан более чувствительным, более «цивилизованным» человеком, он сразу обратил бы на это внимание. Но поскольку молодой варвар относил подобные чувства к области «поэзии для городских слабаков», то он отнесся к этой странности с полным равнодушием. Перед ним был дом — это раз. Там находились какие-то люди — это два. В том случае, если эти люди окажутся более чем негостеприимны, — он, Конан, всегда в состоянии поговорить с ними на языке доброго холодного железа. Это три.

Не раздумывая больше, он приблизился к двери и постучал в нее кулаком.

Дверь тотчас распахнулась, как будто тот, кто за нею находился, уже ожидал гостя. На пороге стояла девушка лет восемнадцати. Она была настоящая бритунийка — крупного сложения, с крепкими прямыми плечами, широким лицом, густыми белокурыми волосами. Ее светлые глаза глядели на незнакомца безмятежно и ясно.

— Здравствуй, — проговорила она, чуть отступая, чтобы он мог войти.

Конан быстро глянул в полумрак дома и, не заметив ничего подозрительного, вошел.

— Только позаботься о своей лошади, — сказала девушка. — А потом располагайся. Скоро ночь, да? Скоро ведь ночь?

Конан неопределенно пожал плечами, полагая глупым говорить о столь очевидном предмете. Разумеется, скоро ночь. Л еще начинается дождь. Не хватало еще беседы о погоде.

— И дождь? — продолжала допытываться девушка. — Да? Там, за порогом, начинается дождь?

— Да, — сказал наконец Конан, не желая быть совсем уж невежливым. Тем более что девушка показалась ему милой. Ему нравились северянки. Впрочем, и южанки, и красавицы с Востока, и чернокожие амазонки с гибкими тонкими телами — тоже... Счастливый возраст, счастливое время в жизни молодого мужчины.

— Ну так привяжи ее под навесом. Там ведь есть навес? — говорила девушка, все так же неподвижно глядя в лицо своему гостю. — В таком случае, привяжи ее под этим навесом. И еще ее надо кормить. Да? Лошадь надо накормить? Ее кормят сеном? Там должно быть сено. Или трава?

— Трава еще есть, — сказал Конан. Возможно, бедняжка не вполне здорова. Кто знает, может быть, она пережила потрясение. Или упала

откуда-нибудь и ударила головой. Конану доводилось и падать, и ударяться головой. Выпадали в его жизни такие дни, когда он просыпался и не мог вспомнить: кто он такой, как здесь оказался и куда ему теперь идти. Память потом возвращалась. Возможно, и к этой девчонке вернется в любом случае, она хороша собой и приветлива — это чего-нибудь да стоит.

— Сделаю, как ты говоришь, — заверил ее Конан. — Лето еще не кончилось, травы довольно, да и навес найдется. А веревка у меня есть.

Лицо бритунийки озарилось медленной улыбкой.

— О, да! — произнесла она, удовлетворенно кивая. — Конечно! Лошадь привязывают веревкой!

Она повернулась и нырнула в глубину дома, оставив дверь приоткрытой.

Вскоре Конан последовал за ней, неся седло на плече.

— Я оставлю его в прихожей, — сказал он. От седла распространялся острый запах мокрой кожи и конского пота.

— Сделай так, как положено, — отозвалась девушка.

— Меня зовут Конан, — молвил варвар, оглядываясь по сторонам.

Внутри дом казался еще больше, чем снаружи. Везде были кладовки, где стояли бочонки с различными заготовками. По стенам висели связки лука и чеснока.

Конан был не великий знаток кулинарных дел, однако в полумраке ему показалось, что лук не то сгнил, не то вовсе высох. Во всяком случае, он выглядел совсем не так, как на тех постоянных дворах, где ему случалось ночевать и трапезничать. Впрочем, кто знает! Слыхал он от соратевнаемников о таких странах, где деликатесами считаются тухлые яйца.

В других кладовках, как показалось Конану, хранились разные вещи: украшения, связанные пучками, как редиска; перстни на веревочках; медные кувшины, наваленные, словно дрова, горой; слежавшиеся платья, перевязанные бечевой, подобно пачкам вяленой рыбы; имелась даже мебель, но вся она громоздилась как попало, и пользоваться ею было нельзя. Мебель была частью старая, поломанная, а частью — дорогая. Имелась даже с инкрустированными ножками — Конан разглядел перламутровые и костяные пластинки, тускло поблескивающие в темноте.

Этих кладовок было с десяток по всем углам дома. Они стояли открыто, никак не отгороженные от большой залы, которая, судя по всему, оставалась единственным жилым помещением.

Впрочем, нет — Конан заметил один угол, занавешенный бычьей шкурой.

— Там спят мои родители, — объяснила девушка. — Это спальня. Да?

Они лежат там на постели. Отец и мать. Их укрыли покрывалом. Они не проснутся, если мы только не будем шуметь.

— Понятно, — проговорил Конан. — Как твое имя?

— Имя... — Девушка задумалась. — Оризия. Да? Меня зовут Оризия?

— Очень красивое имя, — согласился Конан. — Оризия.

— Оризия! — Она засмеялась, кивая.

— А где твоя спальня? — спросил Конан.

Девушка прикусила губу, задумавшись над этим простым вопросом.

— Я лежу на ложе, — сказала она наконец. — Оно стоит там, — девушка показала в противоположный угол залы. — Без занавески. На него я ложусь и лежу.

— Понятно. Скажи, Оризия, если ты будешь так добра и предоставишь мне ночлег, — то где лежать мне?

— Тебе?

— Ты хочешь, чтобы я лежал рядом с тобой? — продолжал Конан. — Или мне нужно лечь в каком-нибудь другом месте? Или мне вообще не следует ложиться? Скажи, как поступить правильно.

Он больше не сомневался в том, что девушка не в себе, и по обычаю своего народа отнесся к ней с добротой и терпением. Простаки и безумцы всегда могут оказаться избранниками и любимцами богов, которые нарочно приближают к себе таких людей, чтобы потом вешать их устами, открывая прочим свою волю. Разум простака всегда пуст и открыт любому голосу, в том числе и голосу божества, в то время как рассудок умника забит его собственными мыслями, которые представляются тому серьезными и важными, и потому умник слышит призывы судьбы куда реже.

— Ты Конан, — сказала девушка. — Ты хочешь здесь ночевать, да? Ведь там, за порогом, дождь и ночь?

— Да, — сказал Конан.

— О, ты должен ночевать на моем ложе, — обрадовано произнесла Оризия. — Да, конечно, на моем ложе. Там можно лежать вдвоем. Оно широкое. Ты теплый?

— Полагаю, да, — кивнул Конан.

— Ты можешь меня согреть. — С этими словами девушка слегка прикоснулась к руке Конана. Ее пальцы были холодны, как лед, и на мгновение Конана окатило запахом свежей крови. Это было тем более странно, что за мгновение до этого он не ощущал никаких запахов вообще. Даже протухший лук не источал характерного аромата, а уж этого Конан объяснить себе не мог. Впрочем, следует отдать ему должное: разговаривая

с полубезумной красавицей, он не утруждал себя размышлениями о каком-то тухлом луке.

«Судя по состоянию здешних припасов, вряд ли у нее найдется хороший сытный ужин, — подумал Конан. — Однако спросить не помешает».

— Скажи, Оризия, — заговорил он мягко, — а не найдется у тебя похлебки?

Оризия чуть сдвинула брови, мучительно раздумывая над услышанным.

— Похлебка... — вымолвила она.

— Это такая еда. Ее варят. Кладут в котелок мясо, коренья, немного крупы... — вкрадчиво стал напоминать ей Конан.

Лицо девушки опять озарила улыбка узнавания.

— Еда! — воскликнула она. — Ее черпают ложкой, да? И едят?

Она задвигала руками, показывая, как куски отправляются в рот.

— Вот так? — допытывалась Оризия у Конана. Он кивнул несколько раз.

— Именно так, Оризия. У тебя горит огонь. Возможно, найдется и котелок. Мы повесим его над огнем в очаге... Здесь есть очаг, правда?

Улыбка пропала с губ девушки. Она склонила голову, волосы повисли вдоль ее лица, совершенно скрывая его.

— Я огорчил тебя? — забеспокоился Конан.

— Нет, — выговорила она тихо, не поднимая головы. — У меня... да, кажется, здесь нет очага.

— Ну, нет так нет, — ободряюще произнес Конан. — Можем обойтись сухим хлебом. Здесь есть сухой хлеб?

— Да! — Оризия обрадованно вскинула голову. — Сухой! Даже с плесенью! Очень черствый! Это вкусно?

— Чрезвычайно вкусно, — подтвердил Конан, скрывая уныние. «Бедняжка, — подумал он. — Хорошо бы найти того негодяя, который сделал с ней это... А может быть, она такая с рождения? Странно, что ее родители спят и ничего не слышат. За этой девушкой нужен хороший пригляд. Красивая и не в своем уме. Легкая добыча для любого мерзавца».

Оризия принялась растерянно оглядывать полки, которые тянулись вдоль стен по стенам жилой комнаты. Маленькая медная лампа, горевшая на окне, почти не освещала помещение, однако Конану это почти не мешало: он, как кошка, хорошо видел в темноте. От него не укрылось, как тревожится девушка. Она явно не понимала, как выглядит предмет, о котором ее спрашивают.

— Забудь, — сказал Конан. — Не нужно никакого хлеба.

Оризия с облегчением повернулась к нему.

— Знаешь что, — произнесла она, — я помню одну вещь...

— Какую?

— Ты должен умыться. Да. Это совершенно точно. Ты должен умыться.

— Хорошо, — согласился Конан, хотя сам он такой необходимости для себя не видел. Конечно, волосы и одежда у него пыльные, но не настолько, чтобы отталкивать от него людей. У горожан, конечно, могут быть свои взгляды на такие вещи. Некоторые дамы из «цивилизованных», которые не прочь были заполучить в свою постель варвара — просто для разнообразия — не только предварительно засовывали его в бочку с горячей водой и заставляли теряться жесткими мочалками, но и обмазывали разными благовонными маслами. Конан добродушно сносил и то, и другое. Он жалел женщин и признавал за ними право на небольшие капризы. И только иногда ворчал, что они играют с мужчинами так, словно не доиграли в детстве с куклами.

Однако Оризия, как ему показалось, не играла. Бедная сумасшедшая так искренне радовалась, когда ей удалось вспомнить о купании, что Конан также ощутил подобие ответной радости.

— Конечно, милая, — мягко проговорил он, — я сделаю, как ты хочешь.

Девушка убежала куда-то в глубь дома и скрылась в одной из кладовок. Недолгое время доносилось только приглушенное грохотание жести, а затем появилась Оризия с большим корытом и деревянным ведром.

— Иди туда, — она махнула в сторону кладовки, откуда только что вернулась сама. — Отнеси туда эти вещи. Там надо мыться.

— Зачем же ты забрала оттуда это корыто? — удивился Конан.

Оризия посмотрела на тяжелый предмет изумленно — так, словно сама увидела его впервые и теперь силится вспомнить, что же это такое.

— Я забрала это оттуда? — повторила она. — А что, этого не следовало делать?

— Ну, вероятно... раз ты так поступила, значит, в этом был смысл, — решил Конан, и девушка тотчас просветлела лицом. Она отвела с глаз длинную белокурую прядь и гордо сказала:

— Да, я знаю, как надо поступать. Ты возьмешь это и отнесешь туда, в кладовку. Там надо мыться. Только...

Она вдруг помрачнела и закусила прядь.

— Что? — спросил Конан.

— А? Не помню... Да, надо быть осторожным. И еще надо набрать воды. Вот ведро — это для того, чтобы набрать воду. Да? Правильно?

— Правильно, — кивнул Конан. — А где у вас вода?

— Сейчас ведь дождь? Это вода? — произнесла Оризия. — Или неправильно?

— Дождевой воды может оказаться мало, — сказал Конан. — Может быть, у вас тут есть колодец?

— Колодец? — Оризия вдруг закрыла лицо руками и пронзительно закричала. Звук ее голоса пробирал, казалось, до самых костей, таким жалобным, пронзительным и в то же время зловещим он был. Как будто это кричала не безумная девушка, а неприкаянная душа, что бродит возле своей могилы, тщетно взывая к отмщению. — Разве в колодце может быть вода?

Конан вновь ощутил резкий запах только что пролитой крови.

— Не знаю, — пожал он плечами. — В засохшем колодце вообще ничего нет, кроме ломаных палок, листвьев да песка... А в хорошем — да, там обязательно должна быть вода.

— Поищи, — предложила девушка неуверенно. Теперь ее голос звучал сипло — она сорвала его криком.

Конан взял ведро и выбрался наружу, под дождь. Прохлада ночи приятно студила лицо, ветер как будто окутывал плечи легким, влажным плащом. После тяжелого воздуха, застоявшегося в доме, так приятно было вдохнуть ароматы травы и мокрых листвьев!

Поблизости от дома Конан действительно обнаружил колодец. Судя по всему, его выкопали кезанкийцы — суровые горцы, которые внимательно относятся к своей собственности. Колодец представлял собой небольшую крепостцу, сооруженную над глубокой ямой, уходящей далеко под землю. Невысокие стены колодца были сложены из того же булыжника, что и усадьба; сверху имелась такая же четырехскатная крыша. Ни отверстия для ведра, ни дверцы с замком в крыше не имелось. Она была совершенно глухой. Конан, подумав, наклонился над ней и поудобнее обхватил руками. Крыша не поддавалась — она была намертво схвачена цементным раствором.

— Зачем выкапывать колодец и закрывать его крышкой? — недоумевал варвар. — Странные здесь все-таки живут люди. И родители этой девушки... Почему они до сих пор не проснулись? Может быть, они мертвы? А она так и не понимает этого? Думает, что отец с матерью просто спят глубоким сном... Надо бы это выяснить.

Зачем ему потребовалось выяснить подобные вещи — этого Конан и

сам бы себе сказать не мог. Просто он был любопытен. Просто девушка вызвала у него сочувствие. Просто он чуял близость какой-то тайны, быть может, зловещей — а что еще вероятней, сулящей новые приключения и, не исключено, наживу.

И намертво закрытый колодец — Конан мог бы поклясться в этом — был значительной частью этой тайны.

Он расставил ноги пошире, напрягся и одним мощным рывком сдвинул крышу с колодца. Треща, посыпалась черепица. Несколько обломков упали Конану на ногу.

Наконец-то! Теперь он мог наклониться над бездной и заглянуть внутрь. Воды там, конечно, нет — в этом он почти не сомневался. А вот что там таится — большой вопрос. И насколько оно опасно? На всякий случай Конан вынул меч из ножен.

Только сейчас он сообразил, что до сих пор не расстался с оружием. Как невежливо — все это время он находился в доме у девушки вооруженным! Оправдывало его только одно: хозяйка затерянной в предгорьях усадьбы оказалась слишком уж диковинной.

Поначалу колодец показался ему просто пустым. Но затем Конан уловил еле заметное шевеление глубоко на самом дне, и из мрака на миг блеснули две горящих красных точки — как будто там таилась огромная рептилия.

— Тьфу, — пробормотал Конан, водруженный крышу на место. — Если там замуровали какого-нибудь демона, то я совершил большую ошибку... Теперь он может выбраться на волю. Лучше бы утихомирить его сразу.

Он уселся на землю, скрестив ноги и положив на колени меч, и начал ждать. Звезды над головой постепенно меняли положение. Ночь вошла в свои права и медленно гнала лунную колесницу, запряженную быками, с востока на запад. Терпеливый, как хищник в засаде, Конан сидел совершенно неподвижно.

Вскоре до его слуха донесся легкий шорох. Крыша над колодцем шевельнулась. Снова упало несколько черепиц, глухо звякнув о камень. Затем все сооружение сдвинулось на сторону, и над краем бульжной стены появилась плоская голова рептилии. Длинный раздвоенный язык нервно трялся в воздухе, красные глаза горели адским огнем и все время блуждали, выискивая добычу.

— Я здесь, — негромко произнес Конан, продолжая оставаться неподвижным.

Ночной воздух разрезало тонкое, злое шипение. Змей все еще не видел противника, но чуял его близость. Затем низкий вибрирующий голос

зазвучал прямо в голове у варвара:

— Кто здесь?

— Я, — вслух сказал Конан. — Твоя смерть.

— Я — смерть, — прошипел голос. — Я живу в этом колодце с тех пор, как Элиссия отдала мне свою жизнь...

— Кто такая Элиссия? — спросил Конан. Его начала раздражать эта игра в загадки. Он еле заметно сместил положение правой руки, постепенно подбираясь к оружию.

Голос засмеялся. Этот смех наполнил вибрацией воздух, и все существо варвара отозвалось на нее с отвращением.

— Ты не знаешь! — шипел змей. — Конечно, ты не знаешь! Ты влез в это дело, но ты не знаешь!

— И знать не хочу! — произнес Конан. Он догадался, что змей пытается уловить движение его губ и таким образом определить его местонахождение. И все же любопытство заставляло его задавать вопросы.

— Кто такая Элиссия? Ты ведь хочешь мне рассказать об этом, червяк!

— Червяк! — Змей снова засмеялся. — Будь по-твоему. Элиссия — старшая дочь. Оризия — младшая. Элиссия много знала. Она выходила в ночь, пела. Она приносила жертвы. Она звала меня. Она подготовила для меня колодец. А когда я пришел, она почему-то была недовольна...

Теперь в голове Конана начала проясняться вся картина. Мысленно он уже посыпал проклятия самоуверенной девице по имени Элиссия. Та наслушалась бредней о могуществе служительниц Сета и выучилась заклинаниям у каких-нибудь бродячих шарлатанов. А потом принялась зазывать древнего бога, суля ему свою любовь, душу, кровь — неизвестно; во всяком случае, Древний Змей отозвался на эти призывы и прислал своего слугу. А уж слуга распорядился незадачливой заклинательницей так, как счел нужным.

А младшая сестра, Оризия, утратила после этого рассудок...

Одним молниеносным движением Конан вскочил на ноги и обрушил удар меча на голову змея. Послышался громкий хруст. Воздух на мгновение взорвался мириадами ослепительных разноцветных искр, а затем со звоном осыпались стекла. Несколько крупных осколков ранили руку Конана и поцарапали ему плечо. Змея больше не было. И только в воздухе еще некоторое время ощущалась неприятная вибрация, от которой противно сжималось в животе.

Конан собрал все осколки и побросал их в колодец, а потом водрузил на место крышу и плонул. Пора было возвращаться в дом.

Оризия ждала его.

— Возьми ведро и иди туда, — сказала она. — Ты все правильно сделал?

— Надеюсь, — проворчал Конан, отправляясь в кладовку.

— Я буду тебя ждать здесь, — обещала девушка.

В кладовке было темно и тесно. Угадывались какие-то громоздкие предметы, но какие — этого Конан определить не мог. Он постоял, присматриваясь и размышляя над тем, что же ему теперь делать.

— Ты умрешь, — прозвучал тонкий голосок,

— Это еще кто? — удивился варвар. — Кто со мной говорит?

— Я! — важно проговорил голосок.

Конан наклонился пониже и увидел странное существо. Это была крупная крыса с мордочкой, напоминающей человеческое лицо. Во всяком случае, на своем не очень долгом веку Конану доводилось встречать людей, которые куда больше походили на крысу, чем этот говорящий грызун.

— Ты? — удивился Конан. — Ну и кто же ты такой?

— Меня зовут Мран, — важно объявила крыса. — Я царь здешних крыс. Их здесь много, но я

главный. У меня есть особый дух. Я умею видеть будущее. И я говорю тебе, что ты здесь умрешь.

— А я говорю тебе, что ты простая мышь и сдохнешь куда раньше моего, — возразил Конан

— Возможно, ты и дух, но можешь мне поверить, в своей жизни я поубивал множество духов пострашнее какой-то крысы.

— Ты мне не веришь? — разволновалась крыса.

— А почему я должен тебе верить?

— Ты стоишь в темной комнате и разговариваешь с крысой... и все-таки не веришь!

— Я знаю, что когда настанет мой час, ледяной бог Кром с окровавленным мечом в руке встретит меня на пороге вечности, — сказал Конан. — А твои бредни можешь оставить при себе, Мран, если таково твое настоящее имя.

Тихо пискнув, крыса внезапно повалилась на спину. Конан пошевелил ее сапогом. Крыса была мертва. Трупик быстро окоченел.

— Дрянь какая-то, — плонул Конан. — Куда я попал? Надо бы увезти отсюда девушку, пока она окончательно не погибла. Человек не должен жить в одном доме с духами и демонами. Если змей был прав, то эту Элиссию следовало скормить паршивым собакам, чтобы не баловалась с магией.

Тишину прервало шуршание. Конан резко обернулся на звук, почти не

сомневаясь в том, что сейчас опять увидит перед собою змея. Но это был не змей. Из противоположной стены выпростались две руки и, медленно увеличиваясь в размерах, потянулись прямо к нему. Рядом набухали еще несколько кулачков, и Конан не сомневался, что спустя минуту-другую из этих кулачков прорастут руки.

Первая пара уже схватила варвара за длинные волосы. Взмахнув мечом, Конан обрубил кисти, и те, продолжая цепляться пальцами, повисли на прядях у висков, как репьи. Морщась от отвращения, Конан принял разгибать эти пальцы. Несколько пальцев сломались с отвратительно сухим треском. Наконец кисти упали на пол и заскреблись там.

Новая пара рук оказалась женской — с длинными острыми ногтями. Они полоснули Конана по щеке, оставив болезненные царапины, а затем впились в горло. Конан принял бить их мечом, нанося удар снизу под локти. Руки вздрагивали, но еще сильнее сжимали хватку. А третья пара, опять мужская, уже подбиралась к его глазам.

Наконец одна из женских рук слегка ослабла. Конан воспользовался этим, чтобы вонзить острие меча в самое основание плеча. Рука вскинулась к самому потолку и, извиваясь, как плеть, мгновенно скрылась в стене. От последней пары Конан увернулся, едва не опрокинул жестяное корыто — по счастью, пустое, — и выбежал из комнатки. Он успел еще увидеть, как одна из рук в бессильной ярости стучит по полу кулаком, но его это больше не интересовало.

Стоит ли ночевать в этом проклятом месте? В любом случае, следует поговорить с Оризией. Может быть, девушка расскажет что-нибудь интересное.

— Ты готов? — окликнула Конана хозяйка усадьбы. Она лежала на ложе, поверх узорного покрывала. Конан сел рядом, поскольку никакого сиденья поблизости не обнаружил, и коснулся щеки девушки. Щека оказалась холодной, как лед. И в третий раз Конана охватило такое чувство, будто поблизости совсем недавно была пролита кровь.

— Расскажи мне о себе, Оризия, — попросил "Конан". — Сколько тебе лет?

— Лет? Ты хочешь знать, ребенок ли я? — Да.

— Я взрослая, — заверила девушка. — Я уже выросла, но больше не вырасту. Я останусь такой.

— Хорошо, — сказал Конан. — У тебя есть сестра?

Оризия задумалась.

— Это другая девушка? — спросила она наконец. — Такая же, как я,

только другая?

— Вероятно, так. Может быть, ее звали Элиссия?

— Элиссия! Элиссия! — Снова пронзительный, отчаянный вопль. — Она искала сокровища...

— Сокровища? — Конан ощущал жгучий интерес к запутанной и неприятной истории. — Что ты имеешь в виду?

— Жрецы Сета. Они остановились на ночлег. Да, они здесь ночевали. Мы не знали, что они жрецы Сета. Отец, мать. Сестра Элиссия. Они попросили воды из нашего колодца. Долго пили. Они хорошо заплатили. Айотом один из них что-то уронил в колодец. Ах, ах, как они кричали! Как сердились! Они хотели убить того, кто это сделал!

— А что это было? — уточнил Конан.

Девушка посмотрела на него недоумевающее. Ее светлые глаза выделялись в темноте, и Конан видел, что они не моргают.

— Что? — спросила она.

— То, что он уронил в ваш колодец, — пой о Нил Конан.

— Он уронил какой-то предмет. Наверное, это был волшебный предмет. Или очень дорогой. Они сказали, что колодец надо теперь замуровать, а отцу посоветовали выкопать новый. Отец очень сердился. А Элиссия подслушала, что говорили жрецы. Она узнала, что это был за предмет. Это был змей, посланник Сета. Только его надо уметь вызывать, и тогда он выполнит все твои приказания. Она подслушала заклинания и видела змея. Мы ведь бедные люди, господин, мы очень бедные люди, мы живем здесь, в предгорьях, и у нас ничего нет, кроме этого дома, колодца и клочка обработанной земли... Еще у нас были бараны. Кажется, да. Ведь у нас были бараны? Ты помнишь?

— Конечно, — сказал Конан. — Конечно, я помню ваших баранов.

Глаза Оризии радостно блеснули.

— А, значит, я не ошибаюсь! Слушай дальше. Они уехали. Отец хотел замуровать колодец, как советовали ему жрецы. Они ничего ему не объясняли, но отец-то уж смекнул, что это не простые путники. Мой отец всегда разбирался в таких вещах. Он не жрец, но очень умный человек. Он многое повидал, очень многое. Живя в предгорьях, можно повидать очень многое...

А сестра Элиссия — та не хотела, чтобы колодец замуровывали. Потихоньку пробралась она к колодцу и стала читать заклинания. Она вызвала змея. Я видела, потому что я подглядывала. Она думала, что я маленькая, но это не так.

Змей спросил, чего она хочет, и Элиссия — такая храбрая! — сказала,

что желает много золота и драгоценных камней, чтобы мы могли уехать отсюда, и жить в большом городе, например, в Нумалии, и иметь большой дом, и много слуг, и много еды, и никогда не работать — в общем, все самое лучшее для всей нашей семьи. Змей плюнул, и на земле появилась гора сокровищ. Если бы ты видел эти сокровища!

Оризия приподнялась на своем ложе. Конан заметил, что она дрожит. Ее волосы подрагивали на подушке, как живые, а бледные губы шевелились, не произнося больше ни звука.

— Тише, тише, — произнес Конан. — Почему ты дрожишь?

— Я видела эти камни! Драгоценные камни! Целая гора! Они сверкали под луной, — зашептала Оризия. — Они до сих пор сверкают под луной.

— Где? — осторожно спросил Конан.

— А! — вскрикнула Оризия. — В одном тайном месте!

— Рассказывай дальше. Что случилось с твоей сестрой?

— Элиссия очень обрадовалась, когда змей преподнес ей всю эту груду драгоценностей. А он поднялся еще выше нал оградой и сказал: «А теперь я голоден, женщина! Останови меня, если можешь...» Элиссия думала, что запомнила все заклинания, но оказалось, что это не так. Жрецы просто не упоминали в том разговоре о других чарах. Одно дело — заставить змея выполнить свое желание и совсем другое — вынудить его отказаться от собственных. И змей утащил ее под землю, в колодец...

— И тогда твой отец замуровал его, — заключил Конан.

— Да.

— Ты рассказала ему обо всем?

— Да... Я боялась, что сокровища исчезнут, когда закончится ночь, но этого не случилось. Они так и сверкали возле колодца, большая яркая куча. Они были так красивы, что казались ненастоящими. Но они настоящие, можешь мне поверить!

— Где же они находятся? — продолжал спрашивать варвар. — Мне почему-то кажется, что ни ты, ни твои родители не решаетесь выйти из дома. Это ведь так?

— Ты понял! — шепнула Оризия. — Как ты догадался?

— Просто мне показалось, — уклончиво ответил Конан.

— Да, ты прав, — нехотя признала девушка. — Мы живем здесь, в этой усадьбе. Нам здесь хорошо. Здесь очень тепло. И горит масляная лампа.

— Всегда?

— Да. Это неправильно? — удивилась Оризия. — В других домах не

так?

— В разных домах по-разному, Оризия. В некоторых — так, — успокоил ее Конан. — Если ты расскажешь мне, где лежат эти драгоценные камни, я принесу их тебе.

— Тот человек тоже так говорил, — вздрагивая, прошептала Оризия.

— Какой человек? — напрягся Конан.

— Ты разве его не знаешь? Его имя... Да, он называл мне свое имя. Все друзья знают друг друга по имени, верно?

— И враги — тоже, — проворчал Конан. — Как правило.

— Он ничего не говорил о врагах. Только о друзьях. Да, он сказал, что мы с ним друзья, и назвал свое имя. Берлис. Вот это имя. Ты знаешь такого человека?

— Как он выглядел?

Девушка задумалась. Помолчав некоторое время, она спросила неуверенно:

— Ты говоришь о том, какое у него было лицо, или о том, каким я его запомнила?

— А что, это разные вещи? — удивился в свою очередь Конан.

— Я запомнила его ласковым, веселым. Он говорил приятные вещи. И делал приятные вещи. Он гладил мои волосы, щекотал щеки. Он целовал мои пальцы. — Она подняла руку и недоуменно посмотрела на нее. — Вот эти пальцы. Отцу он подарил кинжал. Матери — голубые бусы. Ты не думай, он не забрал обратно свои подарки! Отец спит с кинжалом, а мать — с бусами. Я ничего не трогала!

— Можно, я загляну в спальню твоих родителей? — попросил Конан. — Я не стану им мешать. Только взгляну — и сразу же к тебе.

— Разве это можно? — смутилась Оризия. — Мне всегда говорили, что смотреть, как спят родители, непристойно. Так не поступают дети.

— Я не дитя, Оризия. Мне можно, — мягко проговорил Конан и крадучись направился к маленькому помещению, отгороженному от залы шкурой.

Его окатил сильный запах пыли. Так пахло в гробницах, которые Конану иной раз доводилось разворачивать. С запахом не было связано приятных воспоминаний. Обычно в таких местах, охраняя сокровища, находилось какое-нибудь отвратительное чудовище, у которого имелось свое представление о правильном поведении живых и мертвых. И хотя чаще всего этот страж бывал по существу прав, Конану приходилось настаивать на своем и вступать с ним в поединок.

Поэтому он заранее обнажил меч и ступал на цыпочках.

Но никакого чудовища за занавеской не оказалось. Там было еще одно ложе, а на нем рядом лежали мужчина и женщина. В полумраке Конан не мог разглядеть их лиц, но оба явно не были молоды.

На шее женщины лежали бусы. Слишком глубоко вдавливались они в тело, так что возникало ощущение, будто эту спящую задушили бирюзовой ниткой. Возможно, мрачно подумал Конан, именно так и обстояло дело.

Что касается мужчины, то тут сомнений не было, поскольку кинжал с богато украшенной рукоятью торчал у него из груди.

И тем не менее оба тела выглядели так, словно люди просто заснули. Тление не коснулось родителей Оризии. «Чары? — подумал Конан. — Но кто их наложил и для чего?» При мысли о том, что девушка живет в одном доме с мертвецами и, возможно, длится это уже не первый год, у Конана мороз прошел по коже. Он ненавидел волшебство и чародеев. И если этот Берлис не только убил, но и заколдовал обитателей усадьбы, — Конан его разыщет, и тогда проклятому магу не поздоровится.

Впрочем, ему в любом случае не поздоровится. Это киммериец себе обещал.

Он опустил занавеску и вернулся к Оризии. Та глядела на него тревожно.

— Ты не разбудил их?

— Нет. Спят себе и не дышат, — буркнул Конан.

— Это хорошо, — с облегчением произнесла Оризия. — Когда они дышат, я начинаю беспокоиться.

— А что, они иногда дышат? — изумился Конан.

— Не знаю, — призналась Оризия. — Я не решаюсь их трогать. Я просто знаю, что если они будут дышать, то у нас будут неприятности. Так сказал Берлис.

— Это его слова?

— Ну да! Он ласкал меня и говорил приятные вещи. Я же тебе рассказывала! А родители могли это увидеть. Он сказал...

— Да, я понял, — перебил Конан, не желая повторения циничных и злых слов неведомого, но уже ненавистного Берлиса. — И он избавил себя от этих возможных неприятностей?

— Да. Наконец-то ты понял!

— Он не сказал тебе, как он это сделал?

— Он сказал, что теперь все будет в порядке.

— И ты рассказала ему, где сокровища? Ну, те самые, которые подарили змей из колодца?

— Да. — шепнула Оризия. — Я ему сказала, и он обещал принести их

сюда. Мне. Он говорил о том, как я буду красива, когда драгоценные камни засверкают в моих волосах, когда нити с самоцветами обовьют мои руки, когда золотые браслеты украсят мои ноги, а наборные пояса украсят талию...

— Большой, должно быть, умник этот Берлис, — фыркнул Конан. — Ты хорошо описала его, Оризия, но расскажи мне теперь о том, как выглядит его лицо.

— Оно круглое, с большим носом и вот такими глазами. — Оризия показала на огонек лампы.

— С красными глазами?

— Ну, они не вполне такие. Они переливаются — вот что я хотела сказать.

— Переливаются оранжевым, красным, желтым?

— Да. Они почти как у волка, но переливаются. Это понятно?

Конан видел, что девушка очень старается угодить ему, и, наклонившись, поцеловал ее в щеку.

— Совершенно понятно, Оризия. Ты большая умница. Расскажи мне теперь о том месте, куда ты направила Берлиса.

— Я его не отправляла...

— Я хочу сказать — о том месте, где были спрятаны сокровища. Он ведь поехал именно туда после того, как... уговорил твоих родителей не дышать?

— Да. — Оризия принялась наматывать на палец длинную прядь. — В полудне пути отсюда, если ехать прочь от восходящего солнца, есть старый курган. Никто не знает, кто там похоронен. Просто груда камней. Очень большая груда камней, огромная! — Оризия взмахнула рукой, показывая — какая огромная. — Там никто не останавливается. Пустое место, нет ни колодца, ни тени, чтобы отдохнуть. Просто гора камней.

— Ясно, — пробормотал Конан. — Камни под камнями.

Глаза Оризии радостно блеснули.

— Ты понял! Отец забрал все драгоценности и увез их. Он сказал, что все проклятое должно быть завалено камнями. А мне было обидно. Мне хотелось, чтобы они блестели под солнцем, как в то утро, когда я впервые их увидела. Но отец велел даже не думать об этом. Он очень сердился.

— А как же твоя сестра? — осторожно спросил Конан. — Ведь эти драгоценности погубили ее!

— Если одна сестра погибла, другая должна быть счастлива за двоих, — рассудительно произнесла Оризия.

Конану показалось, что это не ее слова, а чьи-то чужие, которые она

слышала — возможно! — от Берлиса.

— Это Верлис тебе так говорил? — поинтересовался киммериец осторожно.

— Откуда ты знаешь? — вскинулась Оризия.

— Отвечай! — настаивал он.

— Да, он! Как ты догадался?

— Ты очень хорошо описала мне его, вот я и догадался, — ответил Конан, довольный собой. Портрет соблазнителя и убийцы постепенно начал вырисовываться. Теперь Конану не составит большого труда выследить его. Тем более, что путь у негодяя один — через Британию в сторону Немедии. В Нумалии можно роскошно прожить, обладая горой сокровищ, пусть даже на этих сокровищах и лежит какое-то проклятие. Купцы не задают много вопросов, когда видят побрякушки высшего класса по цене весьма умеренной.

Для начала следует найти заброшенный курган. Следы, возможно, уже занесло, но... Если Берлис — такой негодяй, каким обрисовала его, сама того не ведая, простодушная Оризия, то он оставит следы другого рода. Насилие, обман, оскорблённые отцы и обесчещенные девушки.

«Он еще довольно молод и смазлив, — подумал Конан. — И крупный нос его не портит. Именно так будут описывать его женщины, у которых все в порядке с головой».

— Ладно, — произнес он вслух. — Давай-ка будем спать, Оризия. Утро вечера мудренее. А утром я заберу тебя с собой. Уедем отсюда подальше и не будем оборачиваться.

— А разве ты не будешь ласкать меня? — спросила девушка.

— Если тебе этого хочется, — проворчал Конан, проводя рукой по ее щеке.

Конана разбудили капли дождя, падавшие на лицо. Он заворочался, недовольно ворча, как медведь, которого потревожили в берлоге, и несколько раз отмахнулся, но дождь не переставал.

— Что за... — начал он в полусне и вдруг, рывком, пробудился.

Он лежал на голой земле. Лошадь паслась неподалеку, время от времени недовольно подергивая ушами. Седло, насквозь мокрое, лежало чуть в стороне.

Ни следа большой каменной усадьбы... Только мрачные горы, потемневшие от дождей, глядели на киммерийца свысока, как будто презирая человека за его глупость и необоснованность его претензий.

«Что ты потерял здесь, варвар? — казалось, говорили они. — Что ты думал здесь найти? Усадьбу, красавицу-девушку, которая нуждается в твоей

защитите, гору зачарованных сокровищ, которые так и ждут, пока ты явишься за ними и сделаешься богачом? Глупец-человек! Ничтожная букашка у нашего подножья! Забавно глядеть на твои потуги!»

— Ну, пет! — сказал горам Конан. — Все это мне не приснилось. Я еще в своем уме. И если сокровища из колодца, где был сокрыт змей, действительно существуют, то клянусь Кромом — я отыщу их!

С этими словами он решительно поднялся на ноги и стал озираться по сторонам.

Колодец здесь действительно имелся. Заваленный камнями. Вокруг под ногами хрустело битое стекло. Значит, не все из случившегося нынешней ночью киммерийцу просто пригрезилось. Да и не видел он обычно таких снов, чтобы можно было перепутать их с явью. Запахи. В усадьбе пахло то кровью, то тленом, то вообще — ничем. А так не бывает даже во сне.

Нет, запахи были.

Было прикосновение Оризии — ледяное. Как будто она не живая девушка, а...

Содрогнувшись, Конан вдруг понял, что такое земляной холм, на котором он лежал. Это была могила. Он не стал нарушать покой мертвцевов и раскапывать насыпь. Он был твердо уверен в том, что увидит, если предпримет подобное: три мертвца, две женщины и мужчина. Мужчина заколот кинжалом, который до сих нор лежит в могиле, старшая из женщин задушена бусами, а младшая... Кто знает, как умерла младшая! Может быть, негодяй сбросил ее в могилу еще живой — вот она и бродит по ночам неприкаянно, вызывая из небытия дом, где прошли ее счастливые детские годы, облекаясь плотью и разговаривая со случайными путниками, чтобы направить их по пути своего убийцы...

Конану доводилось слышать о подобных случаях. Это были печальные и страшные истории, которыми тешились долгими зимними ночами в тавернах случайные попутчики, застигнутые непогодой.

Как и в любой истории, передаваемой из уст в уста, в этой хранилась немалая доля правды. Нужно было только догадаться, как много этой правды сберегли рассказчики и чему можно верить, а что — отвергнуть как домысел.

Для начала Конан решил принять на веру все.

Итак, он беседовал с убитой девушкой. Несомненно, ее звали Оризия. Жаль, что он не догадался спросить об именах ее родителей. Бряд ли в городах слыхали о малышке Оризии. Она, скорее всего, и не покидала порога родного дома. А вот ее отец вполне мог странствовать по свету,

когда был молод. И позднее вряд ли он сиднем сидел дома. Чтобы жить, человек должен общаться с себе подобными. Разузнать о нем не составило бы труда в соседнем городишке.

Но разговаривая с Оризией Конан почему-то был уверен в том, что наутро посадит ее в седло и увезет из этого проклятого места. А там уж девушка подскажет ему, кого и где расспрашивать. Отец наверняка называл ей имена тех, с кем встречался в городе.

Итак, первая ошибка.

Ладно. Главная его задача — отыскать этого Берлиса. Если он еще жив. Если только Оризия не погибла несколько столетий назад.

При этой мысли мороз прошел у Копана по коже. Несколько столетий призрак несчастной девушки останавливает путников, рассказываем им свою историю, говорит о сокровищах, называет имя убийцы — и никто не попытался отомстить? Никто не прельстился драгоценностями?

Нет, решил киммериец, такого просто не может быть. И Берлис еще бродит где-то по земле, в то время как его жертвы лежат здесь, под этой невысокой насыпью.

Элиссия, вероятно, закопана в колодце вместе со змеем. В том, что змей был абсолютно реален, Конан не сомневался. От заваленного камнями колодца тянуло смрадным духом колдовства. Ошибки быть не могло.

Конан обтер лицо ладонями, поднял с земли седло и направился к своей лошади.

Курган безымянного героя действительно находился там, где говорила Оризия, — в полудне пути от могилы, если ехать спиной к восходящему солнцу. Еще одна груда безмолвных камней.

Конан спешился, внимательно осматривая покрытые белым лишайником булыжники и землю вокруг кургана. Конечно, он не рассчитывал найти здесь следы, которые прямо укажут ему на Берлиса, но кое-что, возможно, сохранилось.

Не обращая внимания на дождь, который не прекращался ни на час во все время этого пути, киммериец наклонился над камнями. Отбросил с лица длинную черную прядь, мокрую и слипшуюся, нетерпеливо передернул плечами. Вот здесь, кажется... Да! Сомнений не оставалось: один из камней перевернут, с другого содран лишайник. Совсем недавно покой кургана был потревожен. Кто-то карабкался по этим камням, скользя сапогами по неровной поверхности. Тут зацепился каблук — длинная царапина... наш герой, судя по всему, носит шпоры! Еще одна деталь, еще одна черта к образу Берлиса. Похоже, отыскать его будет

проще, чем предполагал изначально Конан.

Но кто же он такой? Маг или просто жулик? Если Берлис — всего-навсего грабитель, то справиться с ним будет довольно легко. А если чародей? Если он — посланик жрецов Сета? Как бы прояснить для себя эту сторону его личности?

Конан махнул рукой, не желая задумываться над тем, что пока что остается недоступным. Лучше внимательно, не отвлекаясь, осмотреть курган.

Он повторял путь своего предшественника след в след. Забрался наверх, осмотрелся. Здесь Берлисостоял довольно долго. Лишайник содран дочиста. Наверное, сидел тут на куче камней, как стервятник на трупе, ковырял ногтями мох и думал о чем-то. Конану не хотелось даже представлять себе, какими были эти мысли. Он вообще не утруждал себя глубоким проникновением в душу противника, поскольку не предполагал обнаружить там ничего приятного. Берлиса он представлял себе лишь настолько, чтобы предугадывать его шаги и в конце концов вернее прижать к стене.

Итак, Берлис о чем-то долго думал, сидя на кургане. Потом встал и начал отбрасывать камни. Вывернул два, ничего не нашел, положил их обратно — вон они шатаются. Плохо положил. Наверное, бросил с досады как попало.

Хорошо. Затем он спустился. Плохо лазает по скалам, все время отступается. Человек с равнины. Вряд ли горожанин — горожанин сидит себе в городе и не таскается по пустой местности, где почти нет постоянных дворов.

Туранец. Скорее всего. А может быть, он откуда-нибудь из Кхитая...

Желтоватые глаза, сказала Оризия. Конану не доводилось встречать людей, у которых были бы такие глаза. Может быть, Берлис — наполовину демон? Но полудемон вряд ли отступался бы на каждом камне...

Все это предстояло выяснить. Теперь Конан уже не сомневался в том, что трагедия в доме Оризии разыгралась совсем недавно и что ее убийца побывал на кургане в поисках сокровищ самое раннее — седмицу назад. Так что встреча с Берлисом — дело почти решенное.

А еще, понял внезапно Конан, Берлис не умеет мыслить логически.

Отец девушек решил избавиться от опасного дара Сета. В этом стариk был совершенно прав. Незачем держать в доме столь опасные вещи. К тому же они могут попасться на глаза случайному человеку и навлечь на семью большие беды.

Поэтому он собрал все драгоценности в мешок и увез их к кургану, где

спрятал под грудой безмолвных камней.

Конечно, такой умный человек прекрасно понимал, что и сам может оступиться на неровной поверхности, а след, попадись он на глаза мимоезжему человеку, привлечет к себе внимание. Потому что мимоезжие люди довольно часто обладают способностью читать следы. Для многих бродяг земля, испещренная отметинами, подобна раскрытой книге для книгоочея. Тут уж, как говорится, кому что дано.

Поэтому отец Оризии не стал забираться на вершину кургана. Он спрятал драгоценности где-то внизу. Берлису потребовалось много времени, чтобы сообразить это. Вот о чем он думал, сидя на вершине и ковыряя мох.

Тугодум. Не маг, это точно. Маг отыскал бы сокровища Сета в считанные мгновения. Чародеи умеют вызывать из земли и сокрытых мест любые предметы, тем более заколдованные. Если уж к драгоценностям прикасался змей Сета, то в любом случае следы магического присутствия на них остались и могут быть обнаружены при наличии определенных умений.

Итак, у Берлиса этих умений нет. Он — грабитель, обладающий привлекательной в женских глазах внешностью. Такого человека легко будет обнаружить в ближайшей же таверне. Наверняка същется какая-нибудь местная красотка, которая с удовольствием примется вздыхать и перемывать кости заезжему соблазнителю.

А тайник Конан обнаружил, не в пример Бер-лису, очень быстро — у подножия кургана. Глубокая выемка. Грабитель не потрудился заложить ее камнем после того, как вытащил оттуда клад. Ну и ладно.

Конан снова сел в седло и двинулся на запад. Он почти въяве видел теперь перед собою этого Берлиса.

Осталась непоясненной только одна вещь. Если усадьба, где жила семья Оризии, на самом деле была лишь могилой, то где же в действительности обитали эти несчастные люди? И насколько дом, созданный фантазией страдающего духа Оризии, похож на тот, где прошла короткая жизнь настоящей Оризии?

Возможно, это не имеет отношения к тому делу, которым сейчас занят киммериец. А возможно, что и имеет — и притом самое непосредственное.

Конан ударил пятками лошадь и погнал ее галопом.

Городок назывался Десинада. Конан достиг его на закате. Ничего примечательного — несколько кривых улочек, в центре — просторная, грязная торговая площадь, где по будним дням стоят несколько палаток, а в

праздники бурлит шумная ярмарка, которую местные жители считают грандиозным событием. Окраины городка представляли собой настоящие трущобы. Впрочем, для тех, кто побывал в Аренджуне, эти трущобки представлялись смехотворными. Они были очень малы, тесны; их можно пройти из конца в конец за десять минут, даже при условии, что по дороге придется выдержать одну-две драки.

На окраинах люди ютились в хибарках, построенных из того мусора, который остается на площади после ярмарочных дней; обстановку их составляли предметы, найденные на караванных путях. Здесь наверняка велась торговля краденым; можно найти и одурманивающие порошки, и яды, и неплохое оружие с плохо отмытыми следами крови, и одежду, бывшую роскошной до того, как ее разрубили вместе с ее владельцем.

Конан умел отдавать должное подобным местам, однако соваться туда сразу не стал. Для начала он обошел «респектабельную» часть городка и обнаружил там гостиницу. Подслеповатые окна ее выходили, как и следовало ожидать, прямо на площадь. Здесь путешественник снял комнату и устроил в стойло свою лошадку. Затем он проглотил плотный обед и отправился на прогулку.

Трущобы сразу поглотили его. Как бы ни были они малы, но человек, оказавшись там, невольно чувствовал себя отрезанным от всего остального мира. Как будто в жизни не существует больше ничего, кроме покосившихся хибар, больных и уродливых физиономий, встречающихся на улицах, чавкающей грязи под ногами, нечистот, изливаемых из каждого окна, грубых голосов

— всего того, что составляет «неповторимую атмосферу» подобных мест. Наверняка существуют люди, которые здесь рождаются, проводят безотрадные дни и в конце концов умирают, оставаясь в полном неведении относительно того, что происходит за пределами этого замкнутого, отвратительного мирка.

При одной мысли об этом Конан содрогнулся.

Мимо него несколько раз пробегали люди, которые явно преследовали друг друга. В первый раз это была девушка с растрепанными нечистыми волосами, полураздетая, за которой гнался мужчина приблизительно такого же вида. Конан посторонился, пропуская их мимо себя. Девица скакала довольно резво и голосила на бегу, награждая своего преследователя различными нелицеприятными эпитетами. Тот отвечал столь же бойко. Вскоре их голоса стихли, поглощенные трущобами.

Вторая пара была, если можно так выражаться, зеркальным отражением первой. В этом случае удирал во все лопатки мужчина, да так,

что его лохмотья разевались, точно грива у скаковой лошади, а подошва одного из сапог отскочила и полетела прямо в Конана, который и на сей раз предпочел не вмешиваться и пережидал возле покосившегося забора. За мужчиной гналась женщина, жилистая и костлявая. В руке она держала увесистую дубину, которой явно намеревалась угостить бедолагу. Стоит ли упоминать о том, что оба ругались на чем свет стоит!

Конан счел обе сценки довольно забавными и даже позволил себе ухмыльнуться в спину женщине.

Он искал то, что можно было бы назвать здешним «публичным местом». Вероятнее всего, это будет кабак, сочетающий в себе бордель, меняльную контору и клуб по интересам.

И таковое заведение в конце концов открылось его взору. То была очень маленькая и чрезвычайно грязная хибарка, снабженная, однако же, балконом. На балконе стояла полураздетая толстая женщина в розовом платье и курила кальян.

Конан поднял голову и встретился с ней глазами.

Во взгляде женщины он прочитал, как ему вдруг почудилось, все: мгновенно сменяя друг друга, мелькнули там чумазая тощая девочка, смазливая девица, исполненная решимости жить по возможности шикарно, предприимчивая особа средних лет, достигшая той высоты общественного положения, какая только возможна для дамы ее происхождения и места жительства... и еще — глубокое знание всех человеческих пороков. Эта толстуха умела оценивать человека по заложенной в том возможности ко греху. И уж эту-то возможность она в нем зацепит и позволит ей развиться, а затем выложит счет. И он оплатит ей этот счет — будьте любезны!

Но и в синих глазах северянина толстая дама в розовом увидела нечто. И это нечто заставило ее стыдливо потупиться, признавая его превосходство. Ибо перед ней был настоящий разбойник. Не грязноватый тип из трущобы, не слабовольный бродяга, оказавшийся в Десинпде по воле судьбы, — нет, варвар представлялся ей крепким орешком, которого обычным приемом не пронять.

Женщина и пытаться не стала.

Она вынула чубук изо рта и произнесла:

— Привет тебе, мужчина! Ты стоишь перед заведением Хюльдран, а я сама и есть Хюльдран, так что все вопросы можешь задать мне!

— Не станем же мы кричать друг другу, как разлученные любовники через реку! — ответил ей Конан.

Хюльдран хихикнула. Розовый шелк на ее груди всколыхнулся.

— Забавный ты мужчина. Что ж, полезай ко мне на балкон.

Конан смерил взглядом хлипкую халупу.

— Как бы он не развалился, почтенная Хюльдран, — возразил киммериец. — Сдается мне, твое заведение столь же эфемерно, что и дым из твоего кальяна.

— Ты и прав, и ошибаешься, — хмыкнула хозяйка борделя. — Ну ладно. Сейчас я спущусь к тебе и отворю дверь. Что-то мне подсказывает, мужчина, что с тобою можно иметь дело. Только ответь, сколько заплатишь ты мне за услуги?

— У меня осталось немного серебряных монет, — сказал Конан. — Пару из них я отдам тебе.

Толстуха скрылась и вскоре появилась на пороге. Низенькая дверца покачнулась, и перед Конаном открылась темная прихожая. Там ничего не было видно. Хюльдран не стала зажигать лампу.

— Мое розовое платье достаточно хорошо видно даже в такой темноте, — произнесла она не без гордости. — Иди за мной и не заблудишься.

Конан так и поступил. В Хюльдран чувствовалась коренная обитательница преступного мира, воровка и скупщица краденого высокого класса

— здесь не нужны были хитрость и коварство. В определенной мере Конан был здесь среди своих.

Низенький проход неожиданно вывел в просторное помещение. Невероятно, чтобы внутри той убогой хибары, которую Конан только что созерцал, стоя на улице, могла бы поместиться такая большая зала. Вероятно, верхнее здание служит только прикрытием, а настоящая жизнь кипит здесь под землей.

— Добро пожаловать в подземную Десинаду!

— произнесла Хюльдран, подтверждая догадку Конана.

Подземный мир Десинады обладал совершенно иной географией улиц. Здесь все выглядело по-другому. Повсюду горели факелы и лампы, люди одевались куда приличнее — многие, впрочем, предпочитали живописные лохмотья шелков и парчи обычной добротной одежде. Женщины казались доступными и одновременно с тем сварливыми, но они не выглядели ни голодными, ни забитыми. Мужчины красовались с оружием, но редко пускали его в ход.

Эта игра в тайную жизнь развеселила Конана, и здешние «негодяи» показались ему забавными и безобидными, как малые дети с деревянными сабельками.

Впрочем, и среди них наверняка есть настоящие. Их-то и следовало отыскать.

Но для начала Конан решил как следует потолковать с Хюльдран. Уж эта-то женщина наверняка запомнила бы Берлиса, если только он побывал в Десинаде.

— Хочешь порошка или выпивки? — осведомилась хозяйка.

— Я бы предпочел выпить, — сказал Конан. — Мне надо голову держать ясной.

Хюльдран расхохоталась.

— Разумное решение. Ладно, я велю Цессии...

— Не надо никаких Цессий, почтенная Хюльдран, — перебил Конан. — Пусть она даже распрекрасна, как цветок, я предпочту сегодня беседу с женщиной умудренной опытом пустой возне с девчонкой.

— Ух как ты умеешь разговаривать! — восхитилась Хюльдран. — А я-то думала, что ты простак-варвар, которому требуется глоток вина и крепкогрудая девчонка под бок.

— Это мне тоже требуется, но не сегодня.

— Как скажешь. — Хюльдран подозвала полуобнаженную девицу и велела ей принести кувшин и две больших кружки.

Поначалу они пили и болтали о разной ерунде. Хюльдран поведала жалостливую историю о том, как сделалась проституткой. Наверняка эту историю она рассказывала всем своим клиентам, кто обладал хоть малейшим признаком сентиментальности, и те платили ей больше — из сострадания к чувствительной душе, погруженной в трущобы волею злой судьбы. Конан выслушал не без интереса. Он понимал, что перед ним профессионалка, и поневоле восхищался ее умением. Даже сейчас, утратив большую часть своей природной привлекательности, Хюльдран обладала несомненным обаянием.

— Ты меня поистине растрогала, — сказал Конан, когда она замолчала. — Великолепно! Редко встретишь женщину с таким развитым и изощренным умом.

— Ты дурного мнения о женщинах, — нахмурилась Хюльдран. — Среди них много умных. Прикидываясь дурочками, мы ловко обманываем вас, мужчин. Ты нравишься мне, варвар, потому я тебе скажу вот что: не попадайся на эту ловушку! Если тебе кажется, что красавица глупа, это означает только одно: у тебя на груди мирно спит коварная змея.

— Ты судишь по себе? — спросил Конан.

— Я-то не коварна, — фыркнула Хюльдран. — Ты видишь меня нас kvозь, и я позволяю тебе делать это. Нет, я о других...

— Коварны бывают и мужчины, — сказал Конан. — И я как раз ищу одного. Возможно, он побывал здесь.

— Возможно, — согласилась Хюльдран. — Сначала ты расскажешь мне, что он натворил, этот твой коварный мужчина. Судя по твоему виду, ты собираешься лишить его жизни. Я должна знать, стоит ли это делать.

— Стало быть, ты будешь судить, жить ему или умереть? — нахмурился и Конан.

— Да, — кивнула Хюльдран. — Ведь я могу выдать его тебе, если он до сих пор здесь, или навести тебя на его след, если его здесь уже нет. Получается так, что его жизнь в моих руках. А у кого сокровище — тот и властелин, не так ли?

— Ты права, конечно... Ладно. Начнем с рассказа о том, что он сделал. Он убил двух женщин и мужчину ради клада, который случайно был найден этой семьей.

— Поступок дурной, но вполне объяснимый. Ты не убедил меня, варвар.

— Он попросился на ночлег, и его пустили. Тогда он соблазнил дочь хозяина, маленькую глупышку, которую никогда не ласкал мужчина. Опьяненная первой страстью, она открыла ему семейную тайну, и он, воспользовавшись полным доверием девушки, убил ее и ее семью, завладел сокровищем и бежал...

Хюльдран долго молчала. Потом спросила:

— Он соблазнил девчонку и убил ее? — Да.

— А та была настолько доверчива, что открыла ему все свои секреты?

— Выходит, что так, — подтвердил Конан.

— Дрянное дело, — согласилась Хюльдран. — Хуже, чем убить собаку или ребенка... Ты знаешь, варвар, я легко смотрю на убийство человека, потому что все люди погрязли в пороках и преступлениях; но судьба животных и детей меня трогает... Дети — почти животные, они еще невинны.

Она вздохнула.

— Тяжело смотреть, как юное существо искается и превращается в такую же дрянь, как и все прочие взрослые люди...

— Да ты сейчас заплачешь, почтенная Хюльдран! — сказал Конан. — Неужели ты настолько добра?

Она кивнула. Конан видел, что она не притворяется. Эта женщина прожила и повидала достаточно, чтобы позволить себе плакать над судьбой безвестной девушки, которая едва лишь познала первую любовь и тотчас была ею так горько обманута.

— С другой стороны, — всхлипнув, произнесла Хюльдран, — она умерла, не успев стать такой же отвратительной порочной дурой, что и остальные...

— Пусть это послужит нам утешением, — согласился Конан. — Однако мне почему-то кажется, что судьба этой девушки, останься она в живых, была бы иной. Она могла бы найти себе хорошего мужа и провести вполне добропорядочную жизнь.

— Ну да! — недоверчиво вскинула брови толстуха. — Никогда я о таком не слыхала!

— Поверь мне, — проговорил Конан. — Я тоже, впрочем, не встречал женщин, в которых совсем не было бы порока, но та девушка... она могла бы.

— Ладно. — Хюльдран поджала губы. — Так и быть, поверю тебе на слово. Что-то в тебе есть, мужчина, эдакое... располагающее к себе.

— Благодарю на добром слове, почтенная Хюльдран.

— Ладно, ладно, — она махнула пухлой рукой, — хватит льстить. Я и сама знаю, насколько я почтенная. Продолжай свою историю.

— Да я уже закончил. Ты поможешь мне найти того, кто убил Оризию?

— Оризия — так ее звали? Красивое имя. Но скажи мне вот что, варвар, чтобы я поверила тебе до конца: кто рассказал тебе всю эту историю?

— Сама Оризия... Точнее, ее призрак. Хюльдран вздрогнула.

— Ты разговаривал с призраком?

— Выходит так. Когда я встретил девушку, почти не было примет, указывающих на то, что ее уже нет в живых. Разве что она была холодная... Но люди часто мерзнут. А мы с ней говорили ночью, в доме, где не горел очаг. Ничего удивительного я не нашел в том, что девушка замерзла.

— А запахи? Там были какие-то запахи? — допытывалась Хюльдран, одновременно испуганная и заинтригованная.

Конан задумался.

— Ты права, почтенная Хюльдран. Поначалу мне показалось странным, что в том доме вообще нет никаких запахов, а потом несколько раз до меня доносился запах свежей, только что пролитой крови.

— Да, — после недолгого молчания уронила хозяйка заведения, — сомнений нет. Ты разговаривал с призраком. Ответь еще на один вопрос: ты занимался с нею любовью?

— Не помню, — признался Конан. — Кажется, я сразу заснул. А проснулся и увидел, что лежу на могильном холме. Ни дома, ни девушки.

Одна только земляная насыпь.

— И ты не проходил ритуалов очищения?

— Нет. Зачем? — фыркнул варвар. — Дождь и ветер — вот и все очищение. Я поклоняюсь богу Крому, почтенная хозяйка, а этот бог не страшится мертвых. И мне незачем бояться покойников. Духи, призраки, нежить — ничто не может осквернить меня, пока я сам не осквернил себя трусостью.

— Приятно это слышать, — вздохнула Хюльдран. — А мы тут очень боимся призраков...

— Скажи мне наконец, знаешь ли ты человека, который сотворил призрак Оризии, или я напрасно потратил время, пытаясь растопить твое уставшее сердце?

— Опиши его, — потребовала Хюльдран.

— Думаю, он туранец...

— Мне неинтересно, что ты думаешь. Опиши его внешность — этого будет довольно. Что рассказывал тебе о нем призрак Оризии?

Произнося имя умершей девушки, Хюльдран незаметно плонула себе на ладонь, отводя несчастье.

— У него крупный нос, но это его не портит, — так она сказала. Я думаю, он нравится женщинам, этот Берлис.

— Его имя Берлис? — Да.

— Продолжай. Возможно, на свете существует несколько Берлисов. Как бы нам не ошибиться и не сотворить невзначай еще одну не упокоенную душу, которая потом до конца наших дней буде; взыывать к отмщению.

— У него странные глаза. Желтоватые, и в них переливается... она говорила о них в непонятных выражениях. Как будто там горит огонь — что-то в этом роде. Я не вполне понял.

— Да, — с тяжелым вздохом проговорила Хюльдран. — Есть такой человек, и он сейчас находится здесь. Желтоглазый Берлис, носатый и неотразимый. Уверяет, будто его матерью было змея. Возможно, кстати, он и не врет. Мои девочки готовы обслуживать его бесплатно, такой он лапушка. Я сразу заподозрила неладное, как только он появился и подарил мне рубин. Не может человек быть таким хорошим. И побрякушки дарит, и девушкам нравится, и в разговоре любезен. Нет, так не бывает.

Конан ощерился.

— Где он, этот «лапушка»?

— Погоди. У меня в доме резни не устраивай. Его нужно выманить наружу. Там делай что хочешь, но пока он в Розовых Покоях госпожи

Хюльдран — он в безопасности. Это одно из главных правил моего заведения.

— Не знал, — буркнул Конан.

— Ну так знай. Можешь поселиться в доме напротив. Я дам тебе знак, бросив с балкона розовый лоскут. Не перепутаешь. Здесь никто, кроме меня, такого не носит.

Жить в засаде показалось Конану занятием нудным и неприятным. Домик, выстроенный напротив Розовых Покоев, судя по всему, как раз для того и предназначался, чтобы выслеживать некоторых клиентов госпожи Хюльдран. Владелец этой лачуги, беззубый стариk по имени Сирет, хорошо был осведомлен о делах хозяйки увеселительного заведения, а также о делах ее посетителей. Наверняка он получал долю от сделок, заключавшихся в пахучем полумраке Розовых Покоев.

Сирет оглядел внушительного киммерийца и прошамкал:

— От кого?

— От госпожи Хюльдран, — ответил Конан.

— Проходи. — Старикашка посторонился и впустил гостя в дом. — Можешь не платить. Я свое получаю, — добавил он, подтверждая первоначальную догадку Конана. — Кого ждешь?

— Одного франта, — буркнул Конан.

— Вот твое окно, — стариk показал на маленькое отверстие в стене. Снаружи нельзя было даже заподозрить существование этой смотровой щели, так ловко она была замаскирована рухлядью, наваленной, на первый взгляд, кое-как. — Наблюдай. А потом делай свое дело. Останешься доволен. Впрочем, — добавил он, — ты можешь подарить мне что-нибудь от себя... Просто из симпатии к старику. Я ведь был когда-то молод, как и ты, и красив.

— Не сомневаюсь, — пробормотал Конан. На самом деле он был уверен в том, что все старики так и появились на свет дряхлыми и немощными. Человек, который в молодости был могучим воином, с годами превращается в крепкого ветерана, но не дряхлеет. Дряхлость — удел безделья и пороков. Кром в такого даже не плонет — погнувшись. Но этого мнения он вслух не высказывал.

Он прожил у Сирета несколько дней, питаясь жуткой похлебкой из капусты и крупы и почти неотрывно поглядывая в смотровую щель. Спать приходилось урывками, ведь Берлис мог покинуть дом госпожи Хюльдран в любую минуту. У того, за кем следят, всегда есть небольшое преимущество.

Впрочем, Конан позаботился о том, чтобы свести эту фору к

минимуму. На его стороне — сама госпожа Хюльдран и ее розовые лоскутки. Если Конан и пропустит тот миг, когда негодяй выберется из безопасного убежища и пустится в дальнейший путь, то розовый лоскут сообщит о случившемся.

А — пока ему оставалось сидеть на продавленном тюфяке и слушать рассказы старого плута. Тот, по его словам, повидал немало красавиц былого и у всех пользовался искренним расположением.

— Однажды я встретил женщину с поразительными глазами, — шамкал старикашку беззубым ртом. — Ты бы видел ее, киммериец!

— Я повидал немало женщин, — сказал Конан скучающим тоном. Старик успел надоесть ему хуже горькой редьки.

Сирет, казалось, понял это. Сухонькая ручка, похожая на птичью лапку, сморщенная и дряблая, на миг коснулась руки варвара.

— Нет, нет, ты не понял! — зашептал Сирет горячо. — Она была гибкой и полной. Когда она извивалась в моих объятиях, ее тело было одновременно сильным и как бы бескостным, словно у змеи. Мышцы, однако, не бугрились на ее спине и руках — не так, как у тебя. Они были скрыты слоем жира. Но клянусь тебе всеми богами, я не видел ничего подобного! А глаза у нее были желтыми, и в них то и дело вспыхивал огонь...

Конан вдруг ощущил прилив интереса.

— Расскажи-ка мне подробнее об этой женщине, Сирет, — попросил киммериец. — Сдается мне, ты знаешь нечто такое, что полезно было бы узнать и мне.

— Как хочешь. — Старик незаметно вытер слону, скопившуюся в углу его рта. — Ее звали Ръенадрэ. Так она сказала. Она много смеялась. Не надо мной, нет, — ведь я был тогда очень красив и полон сил. Нет, она была веселой и хранила какую-то тайну. Эта тайна, казалось, наполняла ее жизненной силой и дарила непревзойденную радость. Я пользовался лишь брызгами этой радости, лишь тем, что вырывалось наружу, не в силах таиться в душе Ръенадрэ.

Однажды я отправился на рынок и встретил там старуху, которую звали так же, как и меня, — Сирет. Нас обоих это смешило. Не поверишь, как ничтожно мало нужно бедным людям, чтобы на душе у них полегчало!

Я уверял, что Сирет — мужское имя, а она твердила, что оно женское... Кроме того, мы оба не были уверены в том, что старая Сирет — не моя мать. Ведь я никогда не знал своей матери, а Сирет не могла припомнить, скольких младенцев произвела на свет и подбросила на ступени добрым людям...

— Забавно, — согласился Конан, который на самом деле не представлял себе, как низко нужно пасть, чтобы отказаться от собственного дитяти или не знать своих предков до десятого, двенадцатого, а то и двадцатого колена.

— Итак, я встретил Сирет, — продолжал болтать старик, — и та сказала мне: «Что-то скверно ты стал выглядеть. Должно быть, мальчик мой, ты счастлив. Расскажи-ка мне, кто эта женщина, в чьих объятиях ты забываешь сон и пищу?» Я рассмеялся и начал рассказывать о Ръенадрэ, а старуха вдруг нахмурилась и предложила мне подсыпать женщине в питье порошок правды. «Сдается мне, что-то неладное в этой твоей красавице и ее тайнах. Узнал бы ты, какой секрет она хранит, мой мальчик. Боюсь, что этот секрет может тебе навредить. Возьми, а деньги отдашь потом». — И она вручила мне сверточек, а там был белый порошок.

В тот же вечер я насыпал моей Ръенадрэ этот порошок в бокал вина, а та выпила и даже не заметила, что я подмешал ей зелья. Наступила ночь, и мы вновь легли в одну постель, и снова я погрузился в неземное блаженство, обнимая гибкое и полное тело моей возлюбленной.

И вдруг я поцарапал ладонь. Я открыл глаза и не поверил тому, что увидел. Все тело моей красавицы покрыла жесткая змеиная чешуя! Лицо ее оставалось по-прежнему прекрасным, но тело превратилось в удавье. И знаешь, киммериец, она все еще оставалась красивой. Я хочу сказать, что никогда прежде не встречал такой роскошной змеи...

Она обвивала меня сонными кольцами, и пестрый узор украшал ее шкуру. Чешуйки блестели в полумраке, свет единственной масляной лампы, горевшей в помещении, играл на них, так что Ръенадрэ казалась одетой в платье, сплошь затканное драгоценными камнями.

Я любовался ею и не мог отвести взгляда. А ее губы шевелились, веки трепетали, щеки жаждали моих прикосновений, волосы извивались, точно живые змейки, на голове. А потом она открыла глаза, свои удивительные желтые глаза, в которых переливался огонь, и при виде моего лица все поняла.

— Ты открыл мою тайну, Сирет, — прошептала она, и мне показалось, что я слышу угрожающее змеиное шипение.

— Прости, — прошептал я в ответ. — Я не знал... Ты прекрасна! Клянусь всеми богами, я люблю тебя — я люблю тебя так, как не любил ни одну женщину на земле!

— Я не женщина, — сказала Ръенадрэ. — Ты мог бы догадаться об этом и раньше, но страсть сделала тебя слепым, и только какое-то колдовское снадобье сумело открыть твой взор. Несчастный! Еще до

рассвета превращение будет завершено, и я уползу прочь, чтобы никогда больше не превратиться в человека. В своем стремлении к правде — для чего она только нужна вам, людям? — ты погубил нашу любовь! Глупец! Зачем тебе было знать, какую тайну я скрываю от тебя? Разве плохо тебе было в моих объятиях? Разве тебе мешало то, что ты подозревал во мне нечто иное, нежели обычная женщина? Ах, глупый Сирет! Однако давай же используем оставшиеся нам часы и предадимся любви в последний раз!

Наутро все случилось точь-в-точь так, как предсказывала Ръенадрэ. Превращение закончилось. Огромный, прекрасный удав спустился с моего ложа и быстро заскользил прочь. Она проползла по улицам нашего города, скрываясь в канавах. Те немногие, кто встречал ее, в ужасе шарахались в сторону, и никто не попытался остановить ее или, не дай боги, причинить ей вред. Ръенадрэ уползла, и больше никогда я не встречал ее.

Старик всхлипнул. Конан смотрел на него удивленно. Только теперь, выслушав удивительную историю о несчастной любви, он внутренне поверил в то, что этот жалкий обломок человека когда-то был мужчиной, молодым, красивым и полным сил.

— Продолжай, — попросил киммериец.

— История закончена, — молвил Сирет.

— Не верю! — воскликнул Конан. — Ты был убедителен, когда говорил о своей страсти к Ръенадрэ. Неужели ты не попытался отыскать ее, вернуть ей прежнее обличье?

— Ты переоцениваешь жителей Десинады, — произнес старик. — Мы способны любить и страдать, но немногие из нас в силах оторваться от насиженного места, каким бы скверным оно ни было, и отправиться в путь.

— И все же что-то подсказывает мне, что ты это сделал, — настаивал киммериец. — Когда ты расскажешь мне все, я, так и быть, поведаю тебе о своем интересе ко всей этой повести.

— Будь по-твоему. Да, на несколько лет я покидал Десинаду, и это едва не стоило мне жизни. Повсюду я разыскивал мою змею. Я потратил большие деньги, выкупив удава из зверинца в Аренджуне, однако оказалось, что это самая обыкновенная змея, и мне пришлось продать ее обратно в тот же зверинец — но за полцены. Однажды я чуть не погиб, пытаясь заглянуть в глаза змее, встреченной в пустыне. Ах, киммериец, сколько глупостей способен натворить влюбленный человек, особенно если он в отчаянии!

И вот однажды — это было в туранских степях — я повстречал человека, который назывался шаманом, колдуном. Этот человек

действительно много знал. Мы разговорились с ним за чашей кислого молока, которое воняло еще отвратительнее, чем войлочные сапоги, пропитанные потом. Шаман выслушал мою историю и вдруг нахмурился.

— Я слыхал о людях-змеях, — сказал он. — Это небольшое племя. Обычно они служат силам зла, ведь повелителем змей считается Сет — страшное божество Луксура.

— Никогда не поверю, что моя Ръенадрэ служила злу или была рабыней Сета, — возразил я.

— Возможно, я и ошибаюсь. Вот что рассказывали мне о людях-змеях. Послушай, не перебивая и не возражая. Кто знает, может быть, мой рассказ поможет тебе в поисках твоей возлюбленной, — произнес шаман. Он был мудрым человеком, этот туранец! Я стал слушать. Вот что он рассказал мне.

Племя людей-змей невелико. Много веков они подчинялись Сету, который умело управлял их шейной природой и склонял их ко злу. Часто они творили его волю, вызывая любовь смертных, а затем приводя их к гибели или заставляя совершать преступления во имя Сета. Но имелось одно исключение. Это исключение из общего правила приверженности всей змеиной породы Сету выиграл в кости один из владык людей-змей.

Этот владыка — его имя Въендрэ — как-то раз вызвал самого Сета на поединок. Сет явился и уселся за стол, установленный в подземном чертоге в Луксуре. На кону была судьба всего племени, но владыка Въендрэ хорошо знал, что делает. Он принес стаканчик с костями, которые купил у рыночного жулика. Одна сторона этих костяшек была тяжелее остальных, так что знающий этот нехитрый секрет всегда мог выиграть у простофили. Сет ожидал, что его соперник применит магию, и проверил кости несколько раз, но никакого волшебного вмешательства, естественно, не обнаружил. Великому богу зла, отцу лжи, не пришло в голову, что его противник воспользуется таким обычным, пошлым приемом, каким рыночный жулик обманывает обывателей.

И вот владыка Сет попался! Владыка Въендрэ выиграл у него в кости.

— Чего ты хочешь? — пророкотал Сет. — Мы ставили на кон исключение, которое я должен сделать для твоего змеиного племени! Говори же, чего ты добивался!

— Я хочу, чтобы каждый из людей-змей мог превращаться в человека и быть свободным от необходимости подчиняться тебе, отец зла и лжи, в том случае, если его настигает настоящая любовь.

— Это случается крайне редко, — сказал Сет. — Хорошо, я буду выпускать из своей власти тех из твоих соплеменников, кто полюбит по-

настоящему. Это все?

— Да.

— Но если эта любовь будет предана, твои соплеменники, ставшие исключением из общего правила, превратятся в настоящих змей и никогда уже не делаются людьми!

— Согласен, — кивнул владыка Въендрэ. Он боялся прогневать владыку Сета.

Я думаю, продолжал шаман, что Ръенадрэ была из этого племени. Желтые глаза указывали на ее принадлежность к народу людей-змей, а тот факт, что она оставалась человеком и была к тебе добра, говорит об истинности вашей любви. Но ты предал вашу любовь, и ее постигло проклятие... Ты никогда не встретишь ее. Не трать времени на поиски, тебе не вернуть Ръенадрэ, разве что ты сразишься с самим владыкой Сетом. Но думаю, что тебе это не под силу.

Итак, я вернулся домой, в Десинаду, и вот живу здесь — опозоренный и несчастный. Не было дня, чтобы я не вспомнил о том, что предал единственную любовь своей жизни...

Так закончил повествование старый Сирет.

— А теперь я скажу тебе, для чего расспрашивал тебя так подробно, — проговорил Конан, прерывая его горестное молчание. — Дело в том, что тот человек, которого я выслеживаю, принадлежит к племени людей-змей. У него желтые глаза, переливающиеся как пламя, и он творит зло по воле Сета — в чем я теперь не сомневаюсь.

— Выследи его, — зашептал Сирет, — и перед тем, как убить, спроси, не встречал ли он Ръенадрэ.

— Но ведь ты уже глубокий старик, — возразил Конан. — Даже если твоя возлюбленная еще жива, даже если она сможет превратиться обратно в человека — что ты будешь делать с нею? Плакать на ее груди? Клянусь Кромом, ни одна женщина не заслужила этого, старишка!

Сирет всхлипнул в темноте.

Берлис выбрался из Розовых Чертогов только на пятый день. Лоскуток упал из окна почти сразу же после того, как за человеком-змеем закрылась дверь.

Впрочем, Конану не потребовался этот знак — он сам увидел, как гибкий стройный мужчина выходит в переулок и спокойно пускается в путь. Он шел не торопясь, уверенно и весело, как человек, у которого легко на душе.

Покинув лачугу старика Сирета, Конан двинулся следом за убийцей. Лошади у того не было. Он покинул Десинаду пешком и зашагал на запад.

Как и предполагал киммериец, Берлис держал путь в Нумалию. Что ж, с большими деньгами там можно прожить припеваючи. Только человеку-змею это не удастся. Киммериец позаботится об этом.

Убедившись в правильности всех своих первоначальных догадок, Конан вернулся в респектабельную часть Десимады и забрал лошадку из конюшни.

— Мы уж думали, господин, ты сгинул в трущобах, — сказал ему конюх, явно недовольный появлением хозяина лошадки.

— Я неплохо провел там время, что правда, то правда, — согласился Конан, — однако теперь я здесь. Оседлай мою лошадь, да поживей! За все заплачено, если ты еще помнишь такие мелочи.

— Ну... — протянул конюх.

Конан невзначай шевельнул плечом так, что рукоять меча глянула прямо на конюха. Тот понял намек и подчинился так поспешно, словно его подогнали кнутом. Копан отдал ему медяк, чтобы утешить, — еще бы! бедняга уже воображал себя хозяином лошади, чей владелец пропал без вести! — и вскочил в седло.

Он нагнал Берлиса в нескольких милях к западу от Десинады. Местность была пустынной. Человек-змей, заслышиав за спиной стук копыт, остановился, обнажил меч и подготовился к схватке. Он ни на мгновение не сомневался в том, что настигают его отнюдь не с добрыми намерениями.

На всем скаку Конан нанес ему удар мечом, целя в правую руку. Берлис оказался на удивление быстр. Впрочем, чему тут удивляться — ведь вся их змеиная порода такова. Конан понял, что встретил достойного противника. Однако спешиваться и уравнивать шансы он не намеревался. Берлис не заботился о поединке чести, когда убивал беззащитную девушку, чтобы завладеть сокровищем ее семьи.

Новая атака киммерийца оказалась более успешной. Меч противника был выбит. Берлис отпрыгнул в сторону и крикнул:

— Кто ты?

Конан не ответил, разворачивая коня и готовясь к третьему удару, который должен был стать для его врага смертельным.

— За что ты преследуешь меня? — снова крикнул Берлис. — Я не сделал тебе худого!

Конан молча погнал лошадь прямо на него. Берлис отскочил и метнулся в сторону. Конан настигал его.

Лошадь, обученная боевым приемам, поднялась на дыбы и занесла тяжелые, подкованные копыта над головой жертвы. Берлис снова

увернулся.

— За что ты хочешь убить меня? — опять закричал Берлис.

Конан наконец наехал на него лошадью и сбил с ног. Берлис оказался на земле. Быстро отталкиваясь от каменистой почвы руками и ногами, он отполз в сторону — «совсем как паук», — подумал Конан брезгливо, — и избежал смертельного удара по голове.

Конан наклонился с седла и ударил его мечом по плечу. Брызнула кровь. Поверженный противник взывал от боли и повалился ничком, лицом вниз.

Конан спрыгнул с лошади и навалился коленом на шею Берлиса. Легко же оказалось одолеть его, как только он лишился оружия! Только теперь киммериец заговорил с ним:

— Меня зовут Конан. А тебя зовут Берлис.

— Да, — хрипло выдавил человек-змей. — Ты делаешь мне больно... За что ты хотел меня убить?

— Я не хотел тебя убить, — сказал Конан. — Я тебя убью.

— Кто ты?

— Я же тебе сказал — я Конан из Киммерии. Несколько дней назад я разговаривал с девушкой по имени Оризия. Это имя говорит тебе о чем-нибудь?

— Оризия? — Конан ощущал, как содрогнулось тело, прижатое его коленом к земле. Кровь продолжала вытекать на землю и пачкала одежду варвара, но он не обращал на это внимания. — Оризия? — повторил Берлис. — Но это невозможно... Она ведь...

— Мертва? — перебил Конан. — Ты думаешь, что убил ее?

— Я знаю! — горячо произнес Берлис. — Ты не мог ее видеть! Я сам положил в могилу ее остывшее тело!

— А я был в этой могиле и касался ее застывшего тела! Клянусь Кромом, негодяй, ты задушил девушку, которая виновата лишь в том, что полюбила первого встречного!

— Меня невозможно не полюбить, — самодовольно произнес Берлис. Странная самонадеянность, если учесть, в каком положении оказался человек-змей!

— Не для меня, — лаконично отозвался Конан. — Ненавижу подлецов, которые используют женщин, а потом, ограбив их, убивают.

— Ну да? А разве ты сам не таков? — осведомился Берлис.

Конан чуть ослабил хватку и перевернул побежденного на спину. Глаза у него оказались в точности такими, как описывала Оризия. В их глубине то вспыхивал, то угасал огонь.

— Где сокровища? — спросил Конан негромко, но угрожающе.

— А ты освободишь меня?

— Освобожу, — сказал Конан. — Освобожу землю от ползучей гадины — вот что я сделаю!

— Будь ты проклят! — выкрикнул Берлис, теряя силы, и Конан с силой пронзил его мечом.

Глаза умирающего распахнулись и загорелись адским красным огнем, а затем будто подернулись пеплом и погасли.

Конан быстро сунул руку за пазуху человеку-змею и, вытащив оттуда сверток, бросил на землю. Ткань развернулась сама собой, и взору изумленного варвара предстала целая гора самоцветов.

Они горели в солнечных лучах, как живые, они переливались и сверкали. Здесь были красные, синие, зеленые камни, превосходно ограненные и отшлифованные. Никогда в жизни Конан не видел такой красоты. Он ощущил прилив восторга, и горло у него перехватило.

— Успел... — шепнули мертвые уста Берлиса. Конан повернулся к телу, готовясь нанести еще несколько ударов, если потребуется. Киммериец был уверен в том, что нет такого существа, демона ли, человека ли, которого нельзя утихомирить ударом доброго холодного железа.

Но убивать Берлиса вторично не потребовалось. Прямо на глазах он превращался в змею. Одежда его сморщилась, превращаясь в чешуйки. Конан понял, что имел в виду угасающий дух Берлиса: еще несколько мгновений — и Конан ничего не смог бы достать из-за пазухи убитого, поскольку не стало бы одежды, и драгоценности оказались бы погребены внутри змейного тела.

Конан плюнул на змею и оттолкнул ее ногой.

Но необратимая метаморфоза начала происходить и с сокровищами. Они потускнели, затем как бы сморшились — и вот уже перед киммерийцем оказалась гора глиняных черепков. Еще миг — и они рассыпались прахом.

— Мертвчина! — с отвращением проговорил Конан, вытирая свой меч о землю. Он снова сел в седло и двинулся дальше на запад, не оборачиваясь туда, где осталась лежать горстка глины и дохлая змея.

Сканирование текста: **Каринэ**